

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ FIRST STEPS IN SCIENCE

DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-113-125
УДК 81.42

Научная статья

Оппозиция «свой – чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок

А.В. Шаколо

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский пр-т, 33

Исследования в области дискурсивного анализа текста становятся все более значимой сферой интересов лингвистов. И лес, и дом выступают в сказках в качестве двух основных, никогда не отождествляемых миров. Цель статьи – рассмотреть концепты «дом» и «лес» как неотъемлемые составляющие оппозиции «свой – чужой» в сказочном дискурсе, выявить особенности представления данных концептов в русской лингвокультуре. В статье были использованы описательный, индуктивный, культурно-исторический методы. В ходе исследования было доказано, что концепты «дом» и «лес», являясь ключевыми компонентами сказочного дискурса, обладают национальными специфическими чертами в контексте русских волшебных сказок, что находит отражение в их текстах. Теоретическая значимость исследования заключается во вкладе в разработку проблемы репрезентации национальной картины мира и менталитета представителей русского этноса; практическая значимость следует из того, что результаты исследования могут быть внедрены в учебный процесс, использоваться при написании лекций, методик, планов семинаров на тему сказочного дискурса. Концепты «дом» и «лес» являются ключевыми составляющими главной оппозиции сказочного дискурса, их роль для славян сложно переоценить. Необходимым представляется изучение сказочного дискурса в дальнейшем – с целью более полной интерпретации концептов, их сравнения с концептосферой сказок других народов.

Ключевые слова: концепт, лес, дом, сказочный дискурс, ключевая оппозиция, русские волшебные сказки

История статьи: поступила в редакцию: 18.01.2019; принята к печати: 25.08.2019.

Для цитирования: Шаколо А.В. Оппозиция «свой – чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 113–125. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-113-125>

© Шаколо А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Исследования в области дискурсивного анализа текста в последнее время становятся все более значимой и актуальной сферой интересов лингвистов во всем мире. Для решения ряда возникающих проблем дискурса привлекаются человек с его языковым сознанием и культура.

В первую очередь необходимо отметить тот факт, что сказки являются величайшим проявлением национальной культуры любого народа, в то время как связь культуры и языка не подлежит сомнению. Как отмечает В.М. Шаклеин в своем труде «Лингвокультурология: традиции и инновации», основой для идей современной лингвокультурологии стали философские установки В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Б. де Куртене, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы, Э. Сепира, Б. Уорфа, Н. Гудмена относительно языка, культуры, общества и личности (Шаклеин, 2012: 43). В работе В.А. Масловой «Лингвокультурология», одного из основателей одноименной науки (наряду с работами В.М. Шаклеина, В.В. Воробьева, В.Н. Телия), проводится мысль о неразрывной взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры: «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Лингвокультурология <...> исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова, 2001: 8, 9). Следовательно, сказкам суждено по определению быть в центре внимания лингвокультурологии, так как именно они воплощают национальную ментальность того или иного этноса с самых ранних стадий его развития.

Согласно австралийскому ученому Ф. Шарифиану, лингвокультурология (cultural linguistics) является наукой, возникшей на междисциплинарной основе и изучающей связь между языком и так называемыми культурными концептуализациями (cultural conceptualizations). Под культурными концептуализациями (или концептуализациями культурных смыслов) Шарифиан подразумевает культурные схемы, культурные категории и культурные метафоры (Sharifian, 2016: 6–7). Б. Питерс также отмечает, что данные концептуализации суть инструменты, благодаря которым лингвокультурологи изучают различные аспекты культурного познания и его конкретизации в языке (Peeters, 2016: 137–139).

Во второй главе «Лингвокультурологии» В.А. Масловой, названной «История и теоретические основания лингвокультурологии», приводится точка зрения К.Г. Юнга, утверждавшего, что человек способен подсознательно создавать символы. Подобные архетипы имеют место в снах, мифологии, фольклоре (Маслова, 2001: 30). Данная теория создателя аналитической психологии подтверждает необходимость детального изучения мифов, легенд и сказок народов мира, так как именно в них можно найти архетипы, часть из которых с течением времени стала концептами.

В данной статье мы рассмотрим ключевые концепты сказочного дискурса, являющиеся реализацией оппозиции «свой – чужой» в русских волшебных сказках, – «дом» и «лес». Как справедливо утверждает В.В. Иванов, «самый принцип двоичности остается в силе вплоть до науки нашего време-

ни, но наука постоянно возражает против эмоционального восприятия двоичных оппозиций. В конечном счете принцип двоичности лежит в основе всех известных ранних философских и логических систем <...>, двухполюсная система оппозиций, окрашенных эмоционально, “встроена” в самую организацию головного мозга» (Иванов, 1978: 104, 107). Основываясь на данных положениях, мы будем развивать теорию об оппозициях в рамках дискурса русских волшебных сказок.

Концепты «дом» и «лес» в русском сказочном дискурсе представляют два противоположных полюса, на единстве которых построен сюжет волшебных сказок. Смысло- и структурообразующая роль данных концептов в русских волшебных сказках объясняет необходимость их подробного рассмотрения и описания в рамках оппозиции «свой – чужой». Обращаясь к истории вопроса, важно подчеркнуть, что концепты «дом» и «лес» изучались в работах таких ученых, как А.Ю. Пономарева – «Концепт “дом” в немецкой языковой картине мира (на базе словарных статей)» (Пономарева, 2014: 178–180), Е.В. Слепцова – «Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в тетралогии “Братья и сестры” Ф.А. Абрамова» (Слепцова, 2009), О.В. Ланская – «Концепт “дом” в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого “Детство” и рассказа “Утро помещика”）」 (Ланская, 2005), Д.Р. Валеева – «Репрезентация концепта “дом” в русской языковой картине мира» (Валеева, 2010), О.В. Бутерина – «Представление концепта “лес” в русских и немецких лингвокультурных источниках» (Бутерина, 2008), О.В. Гавриленко – «Концепт ЛЕС в англоязычных культурах» (Гавриленко, 2009: 135–137), Т.И. Кобякова – «Учебный лингвокультурологический словарь “Концепты духовности русской языковой картины мира” как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка» (Кобякова, 2006) и др. Вместе с тем, несмотря на несомненную компетентность вышеприведенных трудов, концепты «дом» и «лес» не были представлены в них в сопоставительном аспекте, рассматривались исследователями обособленно. В нашей статье имеет место сопоставительная интерпретация данных концептов в рамках дискурса русских волшебных сказок.

Цель

Цель исследования – реконструировать и описать концепты «дом» и «лес», реализующие оппозицию «свой – чужой» в дискурсе русских волшебных сказок.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования стали русские волшебные сказки, записанные А.Н. Афанасьевым, в которых лес и дом предстают как активные действующие лица либо как фон, на котором происходит действие. Из выбранного материала необходимо упомянуть такие тексты, как «Василиса Прекрасная», «Жар-птица и Василиса-царевна», «Лихо одноглазое», «Два Ивана солдатских сына», «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», «Перышко Финиста ясна сокола», «Купеческая дочь и служанка», «Королевич и его дядька», «Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная», «Иван

Быкович», «Покатигорошек», «Диво», «Арысь-поле». Из перечисленных сказок в статье рассматриваются следующие: «Василиса Прекрасная», «Два Ивана солдатских сына», «Лихо одноглазое». Сказки, которые мы приводим в качестве примера, не являются авторскими, это записанные со слов повествователей жемчужины народной мудрости. Не для противопоставления, а для сравнения и – в некоторых случаях – более полной картины мы приводим также устойчивые выражения. В данной работе использованы описательный, индуктивный, культурно-исторический методы.

Результаты

Подтверждено основополагающее значение концептов «дом» и «лес» в сказочном дискурсе русской лингвокультуры. Выделены характерные особенности, учтены нюансы и коннотативные оттенки относительно концепта «дом» в сказках, записанных А.Н. Афанасьевым. Выявлена суть концептуальной оппозиции «дом – лес» и ее связь с фундаментальной оппозицией любой культуры – «свой – чужой», что предполагает множество перспектив для дальнейших исследований в данном направлении: относительно реконструкции концептов сказочного дискурса, а также сравнения дискурса волшебных сказок русских со сказочным материалом других народов (белорусов, немцев и др.). Осуществлена интерпретация концептов «дом» и «лес» на примере конкретных сказок, а также с учетом современных исследований русистов и лингвокультурологов в данной области.

Обсуждение

С.Г. Шафиков в своей статье «Категории и концепты в лингвистике» утверждает, что концепт может существовать обособленно и наличие другого концепта для него не является необходимостью, однако при этом концептуальный анализ обнаруживает смежные или иерархически связанные концепты (Шафиков, 2007: 15).

Концептуальная картина мира, следовательно, характеризуется различными видами концептов: парными, бинарными, эквивалентными. В нашем случае принципиально акцентировать внимание на бинарных. У М.В. Пименовой находим: «Под *бинарными концептами* понимаются такие, слова, репрезентанты которых являются антонимами. Эти концепты можно назвать оппозитивными» (Пименова, 2011: 78). Таковыми концептами, связанными на основе противопоставления (посредством оппозиции «свой – чужой»), в нашем случае являются концепты «дом» и «лес».

С учетом важнейшей тенденции современной лингвистики – принципиального расширения ее границ, отмеченной еще в середине 90-х годов прошлого века и названной Е.С. Кубряковой экспансионизмом (Кубрякова, 1995: 207), А.Е. Кибриком – панлингвизмом (Кибрик, 1992: 20), – исследовательский интерес лингвистов переносится в смежные с ней сферы знаний (юридические, психологические, нейропсихологические, богословские и другие науки). Рассмотрим с этой точки зрения явление бинарности.

Неоспоримо важным для нейропсихологии, кибернетики, нейролингвистики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (как и для всех

наук, образовавшихся посредством синтеза точных, естественных и гуманитарных знаний в разных сочетаниях) является следующее положение: человеческий организм устроен по принципу бинарной системы с характерной для нее билатеральной симметрией.

Головной мозг человека, согласно точке зрения В.В. Иванова, а в перспективе – и наиболее приближенную к нему модель искусственного интеллекта – невозможно представить без четкого взаимодействия двух органов подсистемы. Такими неотъемлемыми компонентами являются правое и левое полушария человеческого мозга соответственно (Иванов, 1978: 23). Существуют и иные точки зрения на строение и функционирование мозга, например, Т.В. Черниговской (Черниговская, 2010: 461–465), П.К. Анохина (Анохин, 1978) и др.

Значимость системности в человеке и окружающем его мире неоспорима, как и тот факт, что бинарность – постоянный признак любой системы: «Сходное с древнегреческим пифагорейским учение о чете и нечете было развито в древней теории искусства Дальнего Востока (Китая и Японии) и возрождено в трудах такого крупнейшего художника и искусствоведа <...>, как С.М. Эйзенштейн. <...> Противопоставление чета и нечета найдено в целом ряде <...> произведений первобытного искусства» (Иванов, 1978: 6, 89).

Говоря о бинарности, следует отметить, что параллельно с оппозицией «содержание – форма», неразрывность которой подтверждается и ставшей вновь актуальной на сегодняшней день тенденцией к объединению всех наук, и существующей уже с 70-х годов XX-го века синергетикой, неоспорима значимость оппозиции «свой – чужой» в культуре и сознании каждого человека.

Присутствие данной оппозиции в дискурсе, в том числе сказочном, не может подвергаться сомнению. Существуют различные варианты разграничения «своего» и «чужого», переносимые на самые разные категории: пространственные, материальные, нравственные. Местность (ср. актуальность обозначения *terra incognita* в мировой картографии прежних эпох), вещи, области знаний, характер, нрав, поведение, внешность, духовные качества и ориентиры (ср. «Что такое хорошо и что такое плохо?» В.В. Маяковского), мировоззрение, вероисповедание, политические взгляды, цвет кожи, национальная, гендерная принадлежность – данный список можно продолжать до бесконечности: все, что мы видим перед собой каждый подсознательно оценивает с позиции противопоставления «свой – чужой». Если же подобного различения в сознании человека нет, он рискует быть обвиненным окружающими в несознательности. Так, у Данте в «Божественной комедии» люди, отказавшиеся сделать осознанный выбор в своей жизни, описаны следующим образом: «...Здесь вопят от боли / Ничтожные, которых не возьмут / Ни бог, ни супостаты божьей воли»¹. По словам лирического героя, их не только не принимают небеса, но и в аду им нет места, поэтому они страдают в его «сенях». Доказательством осуждения подобной неопределенности в быту служат примеры из русской народной мудрости: «ни рыба ни мясо», «сере-

¹ Алигьери Д. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 628 с.

дина на половину», «ни два ни полтора», «ни то ни се», «ни пава ни ворона», «ни в городе богдан, ни в селе селифан», «ни пришей ни пристегни».

«Свой – чужой» лежит в основе целого ряда других оппозиций: «белое – черное» и «добро – зло», что, однако, нередко доходит до крайностей и неспособности (или нежелания) отличать «чужое» от «другого». Согласно В.М. Шаклеину («Историческая лингвокультурология текста»), в противопоставлениях «свой – чужой», «я – не-я» (в контексте этнической принадлежности) находит воплощение весь спектр мифологически обусловленных оценочных суждений, связанный с приписыванием себе представителями собственного и другого этноса универсализирующих и мифологизирующих характеристик (Шаклеин, 2012: 524).

Для волшебных сказок как запечатленной в слове народной мудрости всегда характерно четкое разделение мира на свет и тьму, а персонажей – на положительных и отрицательных. В сказках повествуется о прохождении героями сложных испытаний (то есть обрядов инициации), при этом выполняются развлекательная и воспитательная функции в рамках классической формулы сочетания приятного с полезным. Тем не менее сказочный дискурс не допускает многозначного толкование тех или иных действий или персонажей, которые от начала до конца остаются верны своим принципам. Каждый из них примыкает к одной из двух групп – протагониста или антагониста, – что впоследствии нашло отражение в древнегреческом театре, в драматургии классицизма, а также в художественных сказках. Но возникает вопрос: по какой причине концепты «лес» и «дом» стали главными элементами оппозиции сказочного дискурса при всем концептуальном разнообразии славянских сказок?

По всей видимости, на момент создания сказок и их распространения такого вопроса появиться не могло, так как для людей, живших десятки сотен лет назад, противопоставление жилища (которое ассоциируется с родным, уютным, теплым кровом) и леса (неизвестного пространства, таящего опасность, чужого и враждебно настроенного по отношению к непосвященным мира) было очевидным. Следует сказать также о таких нюансах, как, например, сакральное отношение к дому у славян.

Для понимания дома славянами обратимся к нечасто используемому в современном русском языке, особенно в устной речи, понятию «кров». Напрямую связанное с глаголом «крыть», общеславянское слово входит и в такие устойчивые выражения как «*делить кров и стол*» и «*давать кров*». Нельзя отрицать, что в представлении русских и славян в целом «кров» означает нечто большее, чем дом, укрытие, защита и прочие синонимичные понятия, которыми данное слово можно перевести на другие языки. Однако, чтобы рассмотреть оба концепта оппозиции в их неразрывной связи, перейдем от национальных и историко-культурных особенностей к сравнению леса и дома как символов всемирного, общечеловеческого масштаба.

В «Словаре символов» Х.Э. Керлота символика *леса* связана с женским началом и бессознательным. Деревья выступали в качестве жертвенных столбов во времена, когда леса служили местом культов языческих божеств (Керлот, 1994: 289).

В случае с *домом* Керлот отмечает, что тот являлся одной из форм представления женского аспекта мироздания у мистиков (наряду с грудью, стеной, огражденным садом). Также *дом* символизирует хранилище мудрости, традиции, равно как и уровни души либо тело человека, его мысли (Керлот, 1994: 179–180).

В «Энциклопедии знаков и символов» Г. Бидерманна подчеркивается, что *дом* после заката ледникового периода (ок. 6500 г. до н. э.) стал символом средоточия существования оседлого человека. Он – символ самого человека, нашедшего прочное место во Вселенной (Бидерманн, 1996: 73). Бидерманн также отмечает, что, хотя в сущность *дома*, согласно психологии З. Фрейда, вложено больше женственно-материнского, чем мужского, в снах каждый может видеть в образе *дома* самого себя, быть старым или обновленным, опустившимся или благоустроенным *домом* (Бидерманн, 1996: 73–74).

Лес Г. Бидерманн описывает как широко распространенный символ внешнего мира. *Лес* противостоит микрокосму в образе расчищенной под пашню земли. В легендах и сказках *лес* населяют загадочные, зачастую опасные существа, олицетворяющие все трудности процесса инициации. Подобные взгляды восходят к тем временам, когда *леса* занимали большую часть земли. Присутствие темного *леса* в сновидениях может говорить о фазе дезориентации, погружении в сферу бессознательного (Бидерманн, 1996: 146–147).

Приведенные толкования *леса* и *дома* подтверждают неоспоримость связи между данными концептами сказочного дискурса. При этом *дом* символизирует порядок, уют очага, Вселенную в миниатюре, тогда как *лес* становится средоточием хаоса для героев сказок – именно там, как правило, они вынуждены проходить различного рода испытания, сталкиваясь с опасностью и неизвестностью. После прохождения инициации протагонист возвращается домой либо обретает новый, например, царский дворец.

По утверждению Ю.С. Степанова в его труде «Константы: словарь русской культуры» (Степанов, 1997: 694–695), дом неразрывно связан с уютом, ощущением своего пространства, собственного жилья, комфортного быта.

Особое значение концепта «дом» в сказках, равно как и мотива ухода главного героя из дома, отмечает В.В. Красных, интерпретируя концепт «сторона» как репрезентант русского культурного пространства (Красных, 2003: 15–24). Исследователь, ссылаясь на работу В.В. Колесова «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» (Колесов, 2000), отмечает, что в противовес «своей земле», которая у каждого по определению одна, стороне изначально присуща идея множественности. В древнерусских текстах имеют место упоминания о четырех сторонах, каждая из которых, согласно языческой традиции, имела свой смысл и цвет. Отсюда также происходит, вероятно, выражение «на все четыре стороны», столь характерное для русских сказок и актуальное при покидании героем дома, перед путешествием в «чужой» мир (Красных, 2003: 17). Одной из таких сторон, куда намеренно или случайно попадает протагонист, как правило, становится именно лес.

Далее рассмотрим концепты «дом» и «лес» в текстах русских волшебных сказок.

В сказке «Василиса Прекрасная» главная героиня живет с отцом и мачехой в родном доме, однако новая жена отца делает жизнь падчерицы невыносимой; Василисе помогает волшебная кукла, которую мать подарила ей перед смертью. Отец, будучи купцом, отлучается по делам, мачеха же переезжает в другой дом: «Возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка бабы-яги»². В надежде избавиться от Василисы, мачеха регулярно отправляет падчерицу в лес, но кукла оберегает ее и там. В итоге дочери мачехи отправляют главную героиню за огнем к Яге, жилище и двор которой описаны довольно жутко. Кукла помогает Василисе выполнить задание Яги в срок, и Яга отпускает девушку, отдав ей огонь – череп с горящими глазами. В дальнейшем именно этот огонь сожжет мачеху и ее дочерей, а Василиса на время останется жить у одной одинокой пожилой женщины. Там она шьет сорочки, ее талант и красоту замечает царь и берет девушку в жены. Примечательно, что сама Василиса при разговоре с Ягой говорила не о кукле, но о благословении своей матери, благодаря которому ей все удается.

Как видим на примере данной сказки, положительные герои, где бы они ни находились, всегда под защитой родного *дома*, образ которого здесь неотделим от материнской любви. *Лес* становится местом испытаний для протагонистки, которые она с успехом проходит, в то время как мачеху и дочерей, желающих ей смерти, не спасает даже пространство *дома*.

Основной вариант сказки «Два Ивана солдатских сына», записанной А.Н. Афанасьевым, завершается гибелью протагонистов, что не является типичной концовкой для сказок. *Лес* и *дом* здесь играют в равной степени важные роли, однако характерно, что *дом* упоминается каждый раз не в связи с опасностью, но когда речь идет об отдыхе от ратных дел: «Богатырь ударил змея острой саблею и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи»³. Данный отрывок подтверждает функцию дома как очага, места, где богатыри набираются сил для дальнейших битв и подвигов. Тем не менее, как уже было сказано, оба героя гибнут: не дома, не в лесу, а в «чистом поле». Львица, встреченная ими в образе ничего, разрывает на части сначала первого, а через некоторое время и второго брата.

Если водовоз в этой сказке пытался присвоить себе богатырскую славу в лесу, и только младшая царевна вовремя призналась отцу во лжесвидетельстве, то для львицы, сестры убитых змеев, и для ее мести братьям достаточно было поля. В данном случае *лес* противостоит *дому* в контексте истории с водовозом, что необходимо для конфликта между истинным героем и лжегероем в сказке. Однако в случае со львицей, которая умела обращаться в «душу-девицу», сказка выполняет дидактическую, назидательную функцию: красота в таком финале фатальна, так как является лишь личиной зла, которое не было уничтожено вовремя. А.Н. Афанасьев приводит также другой

² Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. 512 с.

³ Там же.

вариант, где все заканчивается благополучно для братьев, но так происходит только потому, что девицы в той версии нет, а ее место занимает Баба-Яга, которую братья не оставляют в живых изначально.

В волшебной сказке «Лихо одноглазое» кузнец отправляется на поиски горя, которое в дальнейшем персонифицируется в образе Лиха. Вместе с ним идет портной, в лесу герои находят большую избу и решают ночевать там: «Вот и идет высокая женщина, кривая, одноокая»⁴. Как выясняется вскоре, это и есть Лихо, которое съедает портного. Кузнец пытается спасти свою жизнь, пообещав выковать глаз для Лиха, а на самом деле ослепляет своего врага полностью. Лихо садится на пороге, но сбежать протагонисту все-таки удается, надев шубу и притворившись одной из овец (ср. похожий эпизод с циклопом в гомеровской «Одиссее»). В лесу кузнец также теряет руку, по возвращении *домой* рассказывая всем, что видел лихо. В данной сказке *лес* представлен как чрезвычайно опасное место, выжить в котором герою удастся, лишь проявив находчивость и смекалку, но не без потерь. Концепты «дом» и «лес» в подобном контексте довольно ярко отражают суть оппозиции «свой – чужой» и процесс инициации главного героя.

Заключение

Итак, концепты «дом» и «лес» являются реализацией оппозиции «свой – чужой» в русских волшебных сказках. В сказочном дискурсе русских лес мрачен и опасен. Герой русской сказки, как правило, не ждет снисхождения от чуждого ему мира и поставлен перед выбором: пройти испытания и вернуться домой, в родное, близкое ему пространство или погибнуть. Нельзя, однако, не упомянуть и об особенном почтении по отношению к дому у русских, когда со всеобщим домом может сравниваться вся страна или родной город.

Оппозиция «свой – чужой» и представляющие ее в волшебных сказках концепты «лес» и «дом» в очередной раз подтверждают ценность сказочных текстов наших далеких предков, не утративших актуальности по сей день.

Говоря о перспективах, следует отметить необходимость дальнейших изучений дискурса русских волшебных сказок, что будет способствовать более полной интерпретации концептов, равно как и может быть использовано при сравнении концептосферы русских и белорусских, немецких сказок с целью выявления национальной специфики и общих черт в сказочном дискурсе разных народов.

Список литературы

- Анохин П.К. Избранные труды: философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Бутерина О.В. Представление концепта «лес» в русских и немецких лингвокультурных источниках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 25 с.

⁴ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2 / подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. 463 с.

- Валева Д.Р.* Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 20 с.
- Гавриленко О.В.* Концепт ЛЕС в англоязычных культурах // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 2 (53). С. 135–137.
- Иванов В.В.* Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. 184 с.
- Керлот Х.Э.* Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: МГУ, 1992. 336 с.
- Кобякова Т.И.* Учебный лингвокультурологический словарь «Концепты духовности русской языковой картины мира» как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2006. 24 с.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: СПбГУ, 2000. 326 с.
- Красных В.В.* Концепт «сторона» как репрезентант русского культурного пространства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2003. № 4. С. 15–24.
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
- Ланская О.В.* Концепт «дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. 23 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Пименова М.В.* Языковая картина мира. Изд. 3-е, доп. СПб.: СПбГУ, 2011. 106 с.
- Пономарева А.Ю.* Концепт «дом» в немецкой языковой картине мира (на базе словарных статей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1 (34). С. 178–180.
- Слепцова Е.В.* Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в тетралогии «Братья и сестры» Ф.А. Абрамова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 23 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Черниговская Т.В.* Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 5–6. С. 461–465.
- Шаклеин В.М.* Историческая лингвокультурология текста: монография. М.: РУДН, 2012. 632 с.
- Шаклеин В.М.* Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
- Шафиков С.Г.* Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.
- Peeters B.* Applied ethnolinguistics is Cultural Linguistics, but is it cultural linguistics? // International Journal of Language and Culture. 2016. 3(2). Pp. 137–160.
- Sharifian F.* Cultural linguistics and linguistic relativity // Language Sciences. 2017. Vol. 59. Pp. 83–92.

Сведения об авторе:

Шаколо Александр Вячеславович, магистр педагогических наук, аспирант кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. *Сфера научных интересов:* дискурсивная лингвистика, лингвокультурология, языковая картина мира, межкультурная коммуникация, переводоведение, лексикология. E-mail: aleksasch-94@yandex.by

“Friend-or-foe” opposition and its implementation through the concepts “house” and “forest” in Russian fairy-tale discourse

Aliaksandr V. Shakolo

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moscow Ave., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

Abstract. Researches of the discursive analysis become more and more significant sphere of linguistics. Both forest and house act as two main and never identical worlds. The fundamental conceptual opposition of fairy-tale discourse is based on the concepts of house and forest, fundamental opposite worlds. The purpose of the article is to examine the two concepts as crucial components of friend-or-foe opposition, and to reveal features of their representation in Russian linguistic culture. During the research, the author used descriptive, inductive and cultural-historical methods. The research showed that the concepts of forest and house are key components of fairy-tale discourse, have nationally specific features in Russian fairy-tales revealed in the texts. The theoretical relevance of the article lies in the fact that contributes to working out the problem of national worldview representation and Russian ethnos mentality. The practical relevance of the article consists in possibility of using its materials in the process of teaching, while compiling lectures, guides for teachers, seminars on fairy-tale discourse. A role of house and forest for Slavic people is really significant. Besides, the results of the study show the necessity of further analysis of fairy-tale discourse, more detailed description of the concepts and their comparison with the concepts of other national fairy-tales.

Keywords: concept, forest, house, fairy-tale discourse, key opposition, Russian fairy-tales

Article history: received: 18.01.2019; accepted: 25.08.2019.

For citation: Shakolo, A.V. (2020). “Friend-or-foe” opposition and its implementation through the concepts “house” and “forest” in Russian fairy-tale discourse. *Russian Language Studies*, 18(1), 113–125. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-113-125>

References

- Anohin, P.K. (1978). *Izbrannye trudy: Filosofskie aspekty teorii funkcional'noi sistemy*. [Selected works: Philosophical aspects of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bidermann, G. (1996). *Entsiklopediya simvolov [An Encyclopaedia of Symbols]*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)
- Buterina, O.V. (2008). *Predstavlenie kontsepta “les” v russkikh i nemetskikh lingvokulturnykh istochnikakh [Representation of the concept “forest” in Russian and German linguocultural sources]*. [Author’s abstr. cand. phil. diss.]. Saratov. (In Russ.)
- Chernigovskaya, T.V. (2010). *Mozg i yazyk: vrozhdennye moduli ili obuchayushchayasya set’? [Brain and language: innate modules or teachable network?]* *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 80(5–6), 461–465. (In Russ.)
- Gavrilenko, O.V. (2009). *Kontsept LES v angloyazychnykh kul'turakh [Concept FOREST in English-speaking cultures]*. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chita State University]*, 2(53). (In Russ.)

- Ivanov, V.V. (1978). *Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovykh system* [Odd and Even. Asymmetry of the Brain and Signed Systems]. Moscow: Sov. radio Publ. (In Russ.)
- Kerlot, Kh.E. (1994). *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Moscow: REFL-book Publ. (In Russ.)
- Kibrik, A.E. (1992). *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)* [Essays on general and applied topics of linguistics (universal, typical and specific in language)]. Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Kobyakova, T.I. (2006). *Uchebnyi lingvokul'turologicheskii slovar' "Kontsepty dukhovnosti russkoi yazykovoï kartiny mira" kak osnova formirovaniya kontseptosfery uchashchikhsya na urokakh russkogo yazyka* [Educational linguocultural dictionary "Concepts of spirituality in Russian linguistic worldview" as a basis for conceptual sphere of Russian language learners]. [Author's abstr. cand. ped. diss.]. Ufa. (In Russ.)
- Kolesov, V.V. (2000). *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus': heritage in word. World of a human]. Saint Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2003). Koncept "storona" kak reprezentant russkogo kul'turnogo prostranstva [Concept "area" as a representative of Russian cultural space]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences], 4, 15–24. (In Russ.)
- Kubryakova, E.S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis)]. *Jazyk i nauka konca XX veka* [Language and science of the end of the 20th century] (pp. 144–238). (In Russ.)
- Lanskaya, O.V. (2005). *Kontsept "dom" v yazykovoï kartine mira (na materiale povesti L.N. Tolstogo "Detstvo" i rasskaza "Utro pomeschchika")* [Concept "house" in linguistic worldview (on the material of Leo Tolstoy's novel "Childhood" and the short story "A Landlord's Morning")]. [Author's abstr. cand. phil. diss.]. Kaliningrad. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics]. Moscow: Academia Publ. (In Russ.)
- Peeters, B. (2016). Applied ethnolinguistics is Cultural Linguistics, but is it cultural linguistics? *International Journal of Language and Culture*, 3:2, 137–160.
- Pimenova, M.V. (2011). *Yazykovaya kartina mira* [The language picture of the world]. Saint Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Ponomareva, A.Yu. (2014). Kontsept "dom" v nemetskoï yazykovoï kartine mira (na baze slovarnykh statei) [Concept "house" in German linguistic world-image (based on vocabulary entries)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Topics in theory and practice], 4–1(34), 178–180. (In Russ.)
- Shafikov, S.G. (2007). Kategorii i koncepty v lingvistike [Categories and concepts in linguistics]. *Voprosy Jazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 3–17. (In Russ.)
- Shaklein, V.M. (2012). *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii* [Cultural Linguistics: traditions and innovations]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Shaklein, V.M. (2012). *Istoricheskaya lingvokul'turologiya teksta* [Historical Cultural Linguistics of the text]. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Sharifian, F. (2017). Cultural linguistics and linguistic relativity. *Language Sciences*, 59, 83–92.
- Sleptsova, E.V. (2009). *Kontsept DOM v russkoi yazykovoï kartine mira i v teatralogii "Brat'ya i sestry" F.A. Abramova* [Concept HOUSE in Russian linguistic world-image and in tetralogy "Brothers and sisters" of F.A. Abramov]. [Author's abstr. cand. phil. diss.]. Vladivostok. (In Russ.)

Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [*Constants: dictionary of Russian culture*]. Moscow: Shkola “Jazyki russkoi kul'tury” Publ. (In Russ.)

Valeeva, D.R. (2010). *Reprezentatsiya kontsepta “dom” v russkoi yazykovoï kartine mira* [*Representation of the concept “house” in Russian linguistic world-image*]. [Author's abstr. cand. phil. diss.]. Kazan. (In Russ.)

Bio note:

Aliaksandr V. Shakolo, Master of Pedagogy, Postgraduate Student, Department of World Languages of Vitebsk State University named after P.M. Masherov. *Research interests*: discourse linguistics, cultural linguistics, linguistic worldview, intercultural communication, translation studies, lexicology. E-mail: aleksasch-94@yandex.by